

этого: «Тот достоин есть дивленья, иже мога согрешити и не съгрешить». И еще резче та же мысль выражена в другом изречении этого автора: «Никто же праведник немощи дея на зло». Итак, человек прежде всего своей волей должен менять свой характер, если он влечет его к злу.⁶²

* * *

Раскрывая новое отношение к изображению человеческого характера в исторических повестях начала XVII в., Д. С. Лихачев справедливо отмечает, что оно сказалось «в первую очередь в обсуждении характеров монархов», и связывает это с «новой практикой поставления на царство всюю землею». «Теологическая точка зрения на происхождение царской власти и идея неподсудности монарха человеческому суду впервые возбуждали очень серьезные сомнения», — заключает исследователь (Человек в литературе, стр. 22). Однако учительная литература, внушавшая, что всякая власть от бога и поэтому ей надо повиноваться, задолго до XVII в. не исключала не только обсуждения, но и осуждения этой власти. Пчела словами Исократы предупреждала: «Да не надеется никто же, улучив власти, яко утаяться прегрешенья его до коньца. Аще при своем животе уиде жестька слова, но последи приде на нь истиньна, с дерзновеньем проповедаема, а преже молчима» (стр. 108). Поэтому тот же автор советует: «Не ревнуи велику власть прискавъшему, но добре с похвалою отшедъшему» (стр. 107).

«Преже молчима» прозвучало в рассказах писателей первой четверти XVII в. и о жестоком нраве Ивана Грозного, и о «завистой злобе» Годунова, и о том, что патриарх Гермоген «ко лстивым паче и лукавым прилежа и слуховерствователен бысть», т. е. охотно поддавался живым слухам. Эти наблюдения историков XVII в. не могут не напомнить многочисленные советы древнерусских афоризмов и поучений, направленные против влияния «льстецов», «ласкавьцев», «клеветников». Большое число таких советов адресуется ко всем людям вообще, особенно же к тем, кто наделен властью. Наставление Соломона, начинающее раздел Пчелы «О житии добродетели и о злобе», было издавна известно на Руси: «Да не прельстят тебе мужи нечестивии, не ходи в путь с ними, но уклони ноги своя от стезь их, ноги бо их на зло текуть, и скоры суть на пролитье крови» (стр. 1). Отзвук этого наставления читается в рассказе летописи.

Приписывая изменения в характере Грозного дурному влиянию, писатели XVII в. все хорошее в деятельности царя связывали с благотворным воздействием Анастасии Романовой, а лучшее в поведении Годунова объясняли тем, что ему помог «многу благу навькнути» царь Федор Иванович. Обращаясь к учительной литературе, мы видим, что она звала человека проверять свои поступки самонаблюдением, но указывала и на то, что помощником при этом ему может быть верный, нелицеприятный друг. В разделе Пчелы «О братолюбьи и о дружбе» (стр. 53 и сл.; см. выше, стр. 10) не раз напоминает о том, что истинный друг «полезного

⁶² Вот почему трудно согласиться с тем, что «абстрактное понимание человеческой природы, заставлявшее средневековых книжников однообразно делить всех людей на хороших и плохих», было свойственно всей древнерусской литературе. Дидактическая литература учила, что человек «по естеству» сложен. Но и те жанры, задачей которых было «этикетное» изображение людей «высоких рангов», не всегда удерживали своих героев на высоте их положения: стоит лишь вспомнить, как «спускался на землю» Феодосий Печерский в изображении Нестора (ср. статью Д. С. Лихачева «Семнадцатый век в русской литературе» в кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, стр. 304).